

Научная статья
УДК 343.346
DOI: 10.47475/2311-696X-2024-42-3-60-65

С. 60–65

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДОСТОЙНОЙ ЖИЗНИ ЛЮДЕЙ КАК УНИВЕРСАЛЬНЫЙ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ

Владимир Михайлович Хомич

Белорусский государственный экономический университет, Минск, Республика Беларусь
ul.khomich@tut.by

Аннотация. В статье предпринята попытка социально-криминологического и конструктивистского осмысления кризисного состояния уголовного права в сфере обеспечения безопасности политико-организованных общественных систем. Констатируется, что основная причина кризиса — отстраненность власти от системной и последовательной политики обеспечения достойной жизни людей в угоду интересам экономически властвующих элит. Изменение этой парадигмы интересов в системе правового регулирования и уголовно-правовой защиты — первейшая задача для юридической науки и практики.

Ключевые слова: уголовно-правовая политика, уголовное право и безопасность, право безопасности, злоупотребление правом безопасности и уголовным правом, меры безопасности и уголовное право, правопорядок

Для цитирования: Хомич В. М. Обеспечение достойной жизни людей как универсальный криминологический фактор уголовно-правовой политики в сфере безопасности // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 3 (42). С. 60–65. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-42-3-60-65

Research article

ENSURING A DECENT LIFE FOR PEOPLE AS A UNIVERSAL CRIMINOLOGICAL FACTOR OF CRIMINAL LEGAL POLICY IN THE SECURITY FIELD

Vladimir M. Khomich

Belarusian State Economic University, Minsk, Republic of Belarus
ul.khomich@tut.by

Abstract. The article attempts a socio-criminological and constructivist understanding of the crisis state of criminal law in the sphere of ensuring the security of politically organized social systems. It is stated that the main cause of the crisis is the removal of power from a systemic and consistent policy of ensuring a decent life for people in favor of the interests of the economically ruling elites. Changing this paradigm of interests in the system of legal regulation and criminal defense is the primary task for legal science and practice.

Keywords: criminal law policy, criminal law and security, security law, abuse of security law and criminal law, security measures and criminal law, law and order

For citation: Khomich VM. Ensuring a decent life for people as a universal criminological factor of criminal legal policy in the security field. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2024;(3):60-65. (In Russ.) DOI: 10.47475/2311-696X-2024-42-3-60-65

Введение

Одной из самых серьезных и настораживающих в криминологической и уголовно-правовой науке конца XX и начала XXI веков стала борьба за сохранение классических канонов уголовного права и его естественно-гуманитарного предназначения в человеческом сообществе. Нельзя сказать, что криминологическая и уголовно-правовая наука преуспела в этом направлении. Наоборот, сегодня мы наблюдаем социальную, национально-культурную и культурно-правовую дисгармонию как в развитии

человеческих сообществ, так и в области развития фундаментальных положений науки уголовного права, уголовной и уголовно-судебной политики, и, как следствие, неясность и неопределенность перспектив развития уголовного права в целях консолидации общества и власти на единых правовых подходах к утверждению и поддержке внутригосударственного и межгосударственного правопорядка и безопасности. Человечество, несмотря на громадно технологический цивилизационный прогресс, утратило, к сожалению, социально-культурную

и гуманистическую мерность в оценке социального зла и его источников; объективное право растворяется в беспредметной субъектности и абстрактности, возрастает ощущение бессмысленности социальной коммуникации в рамках задаваемого правового поля, поскольку в нем реальные правовые отношения не постулируют человека в качестве главной правообразующей ценности и цели цивилизационного развития политико-организованных общественных систем. Посему криминологическая и уголовно-правовая наука пока без особого успеха пребывает в поиске истины и гармонии в уголовном праве — преступлении и наказании, равно как и в обеспечении безопасности человеческого сосуществования. Политико-организованные общества на индивидуальном, коллективном и властно-элитарном уровне, ослепленные идеей богачества, разрушают общекультурную среду цивилизационного и бесконфликтного сосуществования человека и человечества, эскалируют военные конфликты и войны, ослабляя международную и внутригосударственную безопасность. Эра индивидуализма и безудержного материально-рыночного накопительства вытеснила на периферию духовную составляющую гармоничного развития человека и гражданского общества, поставив в центр интересов экономику и обслуживающую олигархическую элиту власть и политику [2, с. 14–49]. Уголовно-правовая политика в сфере безопасности все более опирается на принуждающие методы в системе позитивного регулирования общественных отношений. В конечном итоге это и привело к кризисным явлениям в системе правового обеспечения общественной и государственной безопасности, а в уголовном праве — к очевидной неопределенности уголовно-правовой мерности в политике признания того, что должно быть преступным и наказуемым как с позиции обеспечения общей безопасности, так и с позиции права человека, общества и государства на безопасность. Этим и объясняется необходимость поиска *универсальной правовой платформы*, на которой должна строиться уголовно-правовая политика обеспечения безопасности, ибо политика безопасности не может выстраиваться посредством игнорирования безопасности других.

Материал и методы

Для обеспечения достоверности выдвигаемых положений о необходимости формирования криминологической и уголовно-правовой безопасности общества и государства как универсально-социетальной правовой системы безопасности, автор исходит из ведущей роли в этом человеческого фактора (человека и человечества) в системе ее построения и обеспечения. В основу такого диалектического подхода к определению состояния безопасности в контексте современной уголовно-правовой политики положен так называемый конструктивистский метод познания социально-правовых явлений, нацеленный на то, чтобы в процессе познания утвердить тождество между субъектом и объектом, между познающим и познаваемым и таким образом преодолеть догматичность понимания права

уголовно-правовой безопасности. Познающий субъект, согласно конструктивистскому подходу, может с уверенностью приближаться к истинному знанию о познаваемом объекте только тогда, когда сам его строит, исходя не из абстрактного его видения, преподнесенного сверху, а из практического погружения в него в процессе его созидания [9, с. 48–98].

Описание исследования

В одном из своих выступлений на международной конференции «Достижение социальной гармонии как цель права XXI века», посвященной пока несбывшейся мечте правоведческой науки, А. В. Наумов, исходя из понимания социальной гармонии как «сбалансированности множества структур и процессов общества, обеспечивающей устойчивость и динамичное развитие общества и человека, не исключая конфликты, но в условиях социальной гармонии разрешающихся согласованно, эффективно, наименее болезненно и не перерастающих в социальные столкновения», задается непростым вопросом о том, как вписать в уголовное право эту умеренно оптимистическую формулу гармонии требование обеспечения общественной безопасности посредством «преступления и наказания» и возможно ли достижение общей социальной гармонии в понимании истинного преступления и истинно необходимого наказания [7, с. 191]. Это есть главный право-культурологический вопрос цивилизационно-стратегического характера, который неизбежно присутствуют во всех современных научных дискурсах относительно кризисного состояния современной онтологии уголовного права, уголовно-правовой и уголовно-судебной политики в сфере обеспечения универсальной системы общественной безопасности [3; 4; 6; 10 с. 11–15]. Это непростая задача и для современной доктрины уголовного права, уголовно-правовой и судебно-уголовной политики — перманентно, с учетом складывающихся социально исторических условий постигать истинно правовое предназначение уголовного права, искать и постоянно интегрировать в уголовное право, в преступление и наказание правовые позиции.

Право как естественный социокультурный феномен, который и на уровне объективного права (в идеале) должен обеспечивать гармонию социальных интересов во избежание глобальных или чрезвычайно серьезных конфликтов общественного и личностного самоуничтожения человека и человечества, в реальности все более перестает соответствовать социально-культурологическим ценностям действительного права — права каждого человека на достойные для человека условия жизни в организованном социальном сообществе, право на свободу, право на равенство и справедливое обращение как фундаментальных скрепов безопасности современных правовых систем. Признавая принуждающий характер общих социальных правовых субстанций, нельзя не заметить, что сегодня в условиях социальной и технологической глобализации мы, как это не парадоксально, незримо вступаем в очередной, но более информационно-технологический цикл «первоначального правового произвола

и злоупотребления правом. Тревожность за счастливое социально-правовое и безопасное будущее, которое все более откладывается, становится серьезным криминогенным фактором, существенно активизирует преступную среду и соответствующую мотивацию индивидуально- и корпоративного отклоняющегося поведения в социальных системах и подсистемах современного общества (экономической, политической, информационной, правоустанавливающей и т. д.).

Общественное сознание способно видеть и видит мир только сквозь призму социетальной безопасности, что обуславливает необходимость социокультурного измерения и восприятия окружающей нас социальной реальности адекватно сформированным социумом смыслам. Поэтому современная трансформация данной нам социальной реальности бытия уголовного права уже не неадекватна сформированным социумом смыслом и требованиям, по которым определяется сфера преступного и непроступного. И это надо признать как данность. Реакция науки уголовного права и законодателя на эти трансформационные изменения в общественных системах уголовного права и его применения неоднозначна. Очевидно, все-таки, что большинство настроено на то, чтобы подстроить возникающие в уголовном праве проблемы на приемлемые по образцу рамки их разрешения [7, с. 192]. Но, к сожалению, ничего конструктивного по этому вектору совершенствования уголовного права не происходит, а социальные риски криминогенного характера динамично расширяются [1, с. 35–36].

Потребность в поиске оптимальной интеграции (включения) *права безопасности* человека, общества и государства в уголовное право, равно как и в систему уголовно-правового контроля преступности на основе социально-правового осмысления происходящих и необходимых изменений в содержательно-функциональных свойствах современного отечественного и международного уголовного права существовала всегда, правда, в разной степени ее понимания и реализации. Указанные социальные скрепы обеспечения общественной безопасности хотя и были относительными социальными конструкциями, но все-таки отвечали требованиям социальной сдержанности и исключительности применения преступления и наказания, что позволяло поддерживать необходимую их легитимацию и на этой основе более и или менее устойчивую как национальных, так и международных правовых систем обеспечения безопасности правовым инструментарием уголовного права. В условиях же глобальных социальных трансформаций экономических и политических систем, происходящих в XXI веке, до беспредела разрушивших привычные, скорее естественно-гуманитарные социально-правовые устои безопасного сосуществования человечества, реакция уголовного права на эти опасности преступного характера не была безупречной — уголовное право стало уподобляется в качестве первейшего и основного инструментария в противодействия традиционной и новой преступности.

При этом законодателем не всегда учитывалось, что вследствие чрезмерного употребления преступления

и наказания уголовное право становится небезопасным не только для потенциального преступника, но и для человека, общества и самого государства. Это происходит всегда, когда доминирующими факторами в формировании правопорядка и уголовной и уголовно-судебной политики являются не обычные и понятные интересы человека на внутреннюю и институциональную безопасность его общественного бытия, на обеспечение свободы в общественной коммуникации и ее правовой значимости, а нечто непонятное для простых людей.

Перманентно интегрировать и обеспечивать право (правовые позиции или принципы) в уголовном праве, равно как и гармонию преступления и наказания с охраняемыми уголовным правом общечеловеческими ценностями, очень непросто, но необходимо. Прежде всего, необходимо устранение состояния исключительной неопределенности и чрезвычайности в уголовной и судебно-уголовной политике по всему спектру обеспечения безопасности в формате защиты как национально-го, так и международного правопорядка. Безопасность социальных систем человеческого общежития в любом политико-организованном обществе — это состояние *правовой* защищенности жизненно важных интересов человека, общества и государства от внутренних и внешних угроз. Сегодня мир столкнулся с совершенно новыми угрозами безопасности, требующими в целях их устранения ограничения прав людей и народов, при этом, средствами и инструментами, далекими даже от правовых. Все это следствие как раз длительного и продолжаемого отчуждения людей от государственно-правового пространства, формируемого властью без деятельного участия большинства гражданского общества, и самое главное, далеко не всегда в его интересах. Сегодня констатируется, что человечество пребывает и проживает в новой эскалирующей социальными конфликтами реальности общественного бытия. Причина эскалации социальных конфликтов индивидуально-преступного и глобально-преступного характера, как ни парадоксально, та же, что и прежде, — следствие запредельного обострения на национальном и международном уровнях до состояния хаотической неконтролируемости исторического раскола общественных систем на управляемо-выживающих (исключенных) с одной стороны, и на олигархически властвующих — с другой стороны. На этом фоне и появляются социальные конструкции, допускающие безграничную возможность обеспечения национальной безопасности и ее защиты посредством уголовно-правового воздействия на основе введения «новых правовых» инструментов из нетрадиционного арсенала уголовного права, к числу которых относится право на применение мер безопасности исключительного характера.

Надвигающаяся новая содержательная и функциональная реальность уголовного права, которую мы уже наблюдаем, обусловлена нарастающей социально-правовой отчужденностью человека, граждан от задаваемых публичной властью правовых нормативов регулирования социальной деятельности людей, которая

констатирует очевидно недостаточный *уровень связи* объективных интересов и целей правового регулирования с общечеловеческими социальными ценностями и их учетом. И единственное, что в этих условиях мы можем сделать сейчас в контексте реформации уголовного права, считает Н. А. Лопашенко, — это «пытаться донести до законодателя, что уголовным правом всех бед не преодолеть...». Действительно, уголовное право уподобилось в качестве главного средства преодоления всех накопившихся проблем и преодоления общественно опасных конфликтов как на внутригосударственном, так и на межгосударственном уровнях. И в этом трагизм уголовно-правовой политики и современного уголовного права. Однако никак не могу принять позицию Натальи Александровны, что сейчас нет никакой возможности для необходимых реформаций уголовного права, поскольку таковые «должны проводиться в спокойное время, не знаменуемое глобальными мировыми и внутригосударственными потрясениями» [5, с. 110]. Но ведь уголовное право сейчас бурно реформируется независимо от наших пожеланий и опасений и, к сожалению, далеко не всегда в целях нейтрализации внутригосударственных и межгосударственных конфликтов уголовно-правового характера. Усугубляет эту ситуацию не столько потрясения глобального характера, как справедливо утверждает профессор Сreto Ного, а «складывающаяся в мире лицемерная практика, создания и применения двойных стандартов, двояких юридических принципов, подчиненная идее эгоистичных политических интересов лишь отдельных государств мира» [8, с. 561] и глобальной олигархической власти [11, с. 12–23]. В связи с этим необходимо изменить нынешнюю конструкцию источников уголовного права (как национального, так и международного) и его возможностей на основе их универсализации и нацеленности на защиту обще социальных ценностей в системе обеспечения безопасности.

Первостепенными на сегодня задачами уголовно-правовой науки, которые и науке, и всему обществу следует держать на контроле: это специфика целей (целеполагания) в уголовном праве (уголовном законе, в его правообразовании и правоприменении); исключительный характер оснований криминализации и уголовно-правового воздействия; введение в систематику уголовного права, и права государства на применение мер безопасности, но по стандартам уголовно-правовой мерности и уголовной противоправности. Считаю, что эти вопросы уголовного права требуют переосмысления, нового прочтения и решения уже сейчас.

В уголовно-правовой науке следует однозначно обозначить и обеспечивать «охранительно-правовую модель уголовного права», *обязывающую и ориентирующую* государство на поддержание посредством преступления, наказания и мер безопасности в единстве и социально-конструктивном балансе коллективно-скрепленных ценностей человека, общества и государства и их защите на основе обеспечения достойной жизнедеятельности людей, объединенных в рамках государственно-правового пространства.

Казалось бы, все так просто в исходно идеальном представлении человека и человечества о социальном предназначении *права в уголовном праве* и его адекватном применении в политически организованном сообществе. К тому же, история человеческой цивилизации показывает, что формирование и публично-нормативное использование уголовного права хотя и дистанцировалось от идеального в своем социально-историческом развитии, но все-таки ориентировалось на естественно-объективные закономерности развития общественных систем, объединяющие людей в сознании необходимости соблюдать и поддерживать требования установленного организованного государством общественного порядка. Единственное, что остается неизменным, так это то, что государство, как политически организованная власть для управления делами сообщества, с самого начала своего формирования монополизировало право определять и реконструировать естественные права человеческого сообщества в собственное объективное право, соблюдая при этом в различной мере приоритет в защите интересов экономически господствующих групп в системе общества и политических институтах государственной власти. В этом положении и заключено основное болезненно-кризисное состояние сложившихся сегодня правовых систем, как национальных, так и международных.

Обратим внимание, как нам представляется, на еще один социальный недостаток уголовного права, который обозначен многими специалистами как «влияние избыточного использования уголовно-правовых средств на соотношение властных полномочий и политический климат» в обществе, вследствие чего неизбежно расширяется сфера властеотношений, для которой свойственны принудительно-наказательные средства регуляции, при этом на основе ситуационно-хаотического и неопределенного расширения области преступного [3, с. 117, 196–198].

Сегодня мир столкнулся, как мне представляется, с последствиями избыточного использования уголовно-правовых средств в сфере властеотношений с участием (или при участии) систем глобально олигархической власти — с совершенно новыми и пока непонятными по происхождению угрозами безопасности мирного сосуществования человечества (людей, народов, государств), требующими не просто естественно-правового ограничения прав и свобод в целях поддержания общесоциального правопорядка, но и применения средств физического насилия, выходящих за стандартные рамки уголовно-правового понимания преступления и наказания, для устранения угрозы жизнеутверждающим основам человеческого существования.

Необходимо социально-правовое переосмысление и изменение оценочной парадигмы обоснования и признания соответствующих деяний правомерными или правонарушающими (преступными и не преступными) и не только в контексте оснований для применения мер наказания, но и с учетом права человека на безопасность и права государства на ее обеспечение. На сегодня, к сожалению, в России, Беларуси, как и в других странах, вводимые нормативы применения мер безопасности

вступают в противоречие с уголовным правом. Их применение не основывается на законодательных и правовых позициях уголовно-правового и криминологического обоснования уголовной противоправности и права на применение чрезвычайных мер безопасности.

Особую озабоченность связана с регулированием системы правовой мерности применения мер безопасности, причиняющих тяжкий вред человеку (лишение жизни, причинение вреда здоровью), в целях устранения угрозы жизнеутверждающим ценностям человеческого существования, нависшей над обществами, над отдельными людьми или группами людей.

Вопрос заключается в том, совместима ли указанная система мер безопасности, допускающая причинение такого вреда людям при таком целеполагании ее применения, с системой уголовного права или правовые основания и процедуры, гарантирующие и правоустанавливающие правовой стандарт их применения следует исключить из ведения и оценки уголовного права. Это один из сложнейших вопросов для правовых систем обеспечения национальной безопасности.

Устраняясь от излишней рациональности, выход видится в интегративном поиске единого права противодействия преступности на принципах универсального обеспечения безопасности и его поиск сводится к разрешению сложного и вечно изменяющегося диалектического противоречия между человеческой свободой, правом на самосохранение посредством самозащиты и правом государства на применение мер безопасности как чрезвычайного обстоятельства, исключающего уголовную противоправность. Онтологическим основанием

для обеспечения единства уголовного права и криминологического обоснования системы безопасности может быть только человек и его интересы.

Заключение и вывод

Сегодня криминологический дискурс формирования того, что должно признаваться преступным, формируется на государственных платформах (концепциях) национальной безопасности. В этом понятии сфокусированы болевые точки и недоразумения нашей отечественной и мировой криминологии и уголовно-правовой науки.

Наблюдается функциональный и содержательный разрыв между предметностью криминологических исследований и использованием их результатов в законодательной и правоприменительной деятельности органов юстиции.

Онтологическим же основанием обеспечения единства уголовного права и криминологии в контексте позитивного разрешения права безопасности в уголовном праве может быть только человек и его интересы. Без улучшения социально-свободного качества его внутренней жизни решить базовые задачи, стоящие перед современной уголовно-правовой политикой в сфере обеспечения безопасности сложившихся политических систем невозможно.

Путь к единому праву противодействия преступности на принципах обеспечения безопасности заключен в разрешении сложного и вечно изменяющегося противоречия между человеческой свободой, правом на самосохранение посредством самозащиты и правом на применение мер безопасности.

Список источников

1. Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Очерки криминальной рискологии Москва : Юрлитинформ, 2021. 336 с.
2. Гезалов А. А. Трансформация общества в эпоху глобализации: социально-философский анализ. Москва : Канон+, 2009. 286 с.
3. Жалинский А. Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. Москва : Проспект, 2008. 400 с.
4. Козаченко И. Я., Сергеев Д. Н. Новая криминализация: философско-юридический путеводитель по миру преступного и непроступного. Екатеринбург : SAPIENTIA, 2020. 256 с.
5. Лопашенко Н. А. О кризисе российского уголовного права (перечитывая А. Э. Жалинского) // Государство и право. 2023. № 9. С. 97–111. DOI: 10.31857/S102694520027656-2
6. Мирошниченко Д. В. Критика уголовно-правовой онтологии: монография / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Б. Т. Разгильдиева. Москва : Юрлитинформ, 2023. 400 с.
7. Наумов А. В. Преступность и достижение социальной гармонии как цель права XXI века // Достижение социальной гармонии как цель права XXI века : материалы междунар. конф. (Краснодар). Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2009. С. 191–197.
8. Ного С. О несостоятельности современного уголовного права // Институциональные основы уголовного права РФ: к 70-летию юбилею профессора В. П. Коняхина : материалы Международной научно-практической конференции, г. Краснодар, 1–2 февраля 2024 г. / отв. ред. Коняхин В. П. и Прохорова М. Л. Краснодар : Кубанский государственный университет, 2024. С. 561–568.
9. Разуваев Н. В. Право: социально-конструктивистский подход // Правоведение. 2015. № 5 (322). С. 48–98.
10. Хомич В. М. Постклассическая трансформация онтологии уголовного права и необходимость ее институционального переосмысления // Российский следователь. 2024. № 1. С. 11–15. DOI: 10.18572/1812-3783-2024-1-11-14
11. Шестаков Д. А. Планетарная олигархическая преступная деятельность // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2012. № (25). С. 12–23.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 05.04.2024.

Дата рецензирования статьи / Revised: 17.06.2024.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 15.07.2024.
